

Памяти Адама Супруна

Прошло больше года после смерти 18 августа 1999 года Адама Супруна, известного ученого-слависта, талантливого педагога, организатора науки и замечательного человека. И эта временная дистанция, притупив острое ощущение невозвратимой утраты, позволяет несколько отстраненно вспомнить все, связанное с ним, и оценить эту незаурядную личность.

Более сорока лет научных и человеческих контактов дают, как кажется, на это право, и важным кажется, не ограничиваясь традиционным некрологом, поразмышлять о судьбе и творчестве покойного ученого и особенно — о его исследованиях в области славистики.

Адам Евгеньевич Супрун (полная форма имени и фамилии — Ростислав Адам Супрун-Белевич) родился 24 октября 1928 года в семье профессора математики Евгения Яковлевича Супруна и учительницы иностранных языков Ирины Николаевны Супрун-Белевич в Полтаве. По материнской линии его род был связан с известным в дореволюционной России родом Зеленских, один из представителей которого, как не раз отмечал Адам Евгеньевич,

был автором статистического описания Минской губернии в известной серии описаний западных земель тогдашней России, подготовленных офицерами Генерального штаба. По-видимому, он находил в этом определенную переключку со своей судьбой, которая привела его в 1966 г. в Минск, где он с наибольшей полнотой смог реализовать свой потенциал ученого и педагога.

А до этого была учеба в средней школе № 10 г. Полтавы, тяжелые годы войны, проведенные там же, и вынужденный переезд семьи (отцу, как бывшему под оккупацией, не нашлось работы в Полтаве, да и традиционный для Украины “голодомор” донимал) в далекую Киргизию, где в небольшом городке Кок-Янгак он закончил среднее образование и в 1948 г. поступил на факультет языка и литературы педагогического института, преобразованного впоследствии в Киргизский государственный университет (г. Фрунзе, ныне Бишкек). По-видимому, материнская линия и здесь возобладала, потому что, по рассказам Адама Евгеньевича, начинал он учебу в вузе на физмате. Научные интересы проявились уже на первых курсах учебы, о чем свидетельствует тот факт, что в мае 1951 г. на конференции студентов вузов г. Фрунзе студент пединститута Адам Супрун и студент сельхозинститута Чингиз Айтматов награждаются первой премией союзного министерства высшего и среднего специального образования за лучшие научные доклады.

Еще со студенческой скамьи начинается его педагогическая деятельность — чтение лекций в республиканском институте усовершенствования учителей, а после получения высшего образования — преподавание в заочном педагогическом институте. Рано проявившийся интерес к научной работе был замечен, и с октября 1952 г. А. Супрун — аспирант кафедры русского языка Киргизского государственного университета, где он готовит диссертацию под руководством профессора И.А. Батманова, о котором он всю жизнь вспоминал с большой теплотой. И что уж совсем невероятно в те годы — в 1953 г. в Киргизии выходит книга аспиранта *Производные существительные с корнями числительных* (объем — 68 страниц), разрешения на издание которой нужно было добиваться в Москве. Книга была замечена в научном мире, на нее откликнулись Л.А. Булаховский, А.А. Реформатский и другие ученые. Такое внимание к неизвестному провинциальному ученому несомненно поддержало его, и в апреле 1954 г. он привозит в Москву на защиту свою кандидатскую диссертацию. Через год (30 мая 1955 г.) она будет успешно защищена в Московском государственном университете. Связанные с защитой поездки в Москву, а особенно знаменитая “Ленинка”, в залах и коридорах которой в те времена можно было встретить претендентов на ученую ступень со всех уголков Союза, значительно расширяют круг знакомых молодого ученого; он завязывает новые научные связи, которые в дальнейшем во многом повлияли на выбор проблематики исследований. Особенно следует отметить факт его участия в 4-ом Международном съезде славистов в Москве в сентябре 1958 года, встречи и беседы с учеными-славистами всего мира, что, как кажется, в значительной степени предопределило превращение Адама Евгеньевича из “чистого” русиста в исследователя славянских языков.

Активное расширение круга научных знакомств, интенсивная и регулярная переписка, обмен изданиями, использование любой возможности для поездок на конференции — все это помогало Адаму Евгеньевичу быть в курсе последних достижений славянского и общего языкознания на протяжении всей его творческой жизни. Я не встречал более легкого на подъем, более аккуратного в деловой переписке человека, не говоря уже о ценителе и “добытчике” научной книги, чем Адам Супрун. Эти качества, несомненно, результат преодоления объективных трудностей (и в первую очередь — оторванности от основных научных центров), с которыми ему пришлось столкнуться в первый, “среднеазиатский” период его научной деятельности.

Возможно, что теми же обстоятельствами объясняется и то, что Адам Супрун долгое время воспринимался в лингвистической среде как ученый “одной темы” — имени числительного. На протяжении ряда лет эта тема расширялась (ср. его публикации о числительных почти во всех славянских языках) и углублялась. Закономерным завершением ее разработки стала докторская диссертация *Славянские числительные*, защищенная в Ленинградском государственном университете 24 февраля 1966 г., изданная как монография в Минске в 1969 г. А перед этим были изданы еще во Фрунзе монографии и брошюры *О русских числительных* (1959 г.), *Старославянские числительные* (1961 г., по воспоминаниям А.Е., ему пришлось взять “из Европы” полные карманы матриц для отливки недостающих букв и самому ассистировать наборщику в типографии при наборе названной книги), *Полабские числительные* (1962 г.) и др. Вместе с тем глубокое проникновение в сущность “микрообъекта” позволило ему вскрыть такие закономерности в развитии этой части речи, которые впоследствии были использованы для построения общей модели формирования и развития частей речи в славянских языках, ср., например, его доклад на 10-м Международном съезде славистов в Софии “Эволюция системы частей речи в славянских языках” (Минск, 1988).

Изучение полабских числительных привело к тому, что Адам Евгеньевич стал одним из самых известных специалистов среди тех немногих ученых, которые посвятили себя изучению этого “угасшего” славянского языка, и автором его монографического описания (ср.: *Полабский язык*. Минск, 1987). Аналогично развивались его исследования по старославянскому языку (ср., кроме многочисленных статей и учебников, оригинальное компактное описание: *Старославянский язык*. Минск, 1991). В качестве метафоры, характеризующей эту сторону научной деятельности Адама Супруна, можно было бы использовать модель “расширяющейся вселенной”. Не получив соответствующей вузовской подготовки по славянским языкам, он в результате упорного труда и неумной любознательности стал одним из наиболее квалифицированных славистов. По словам Никиты Ильича Толстого, он был автодидактом в лучшем смысле этого слова.

Возможно, этим фактом объясняется его способность иногда принимать необычные решения, как, например, включение в университетский учебник *Введение в славянскую филологию* (Минск, 1981; 2-ое изд.: Минск, 1989),

наряду с очерками об классиках славяноведения, сведений о живущих в то время известных славистах, что вызвало критические замечания рецензентов, ориентированных на традиционные подходы в этом вопросе.

Переехав в 1966 г. в Минск, А.Е. Супрун сразу же включился в интенсивную научную жизнь нового славистического центра, возникшего в Академии наук с созданием Отдела общего и славянского языкознания, куда по рекомендации Н.И. Толстого был приглашен ряд подающих большие надежды молодых ученых-славяноведов (В.В. Мартынов, В.К. Журавлев и др.), и где готовились “местные” кадры из выпускников славянских отделений различных университетов. При содействии Н.И. Толстого и благодаря настойчивости директора Института языкознания АН БССР М.Р. Судника Адам Евгеньевич, как молодой доктор наук в области славистики, занял соответствующую кафедру в Белорусском государственном университете. Его долгосрочной задачей стала подготовка специалистов в области славянских языков и открытие славянского отделения. Последнее ему удалось осуществить только во второй половине 80-х годов.

Что касается подготовки кадров, то здесь Адам Супрун имеет несомненные заслуги перед белорусской славистикой. Целая плеяда способных молодых ученых-докторов и кандидатов наук “оперилась” и определила свой путь в науке на кафедре общего и славянского языкознания. Прежде всего здесь следует отметить болгаристическое направление (Б. Норман, В. Карпов, В. Журавель, А. Калюта, А. Зинкевич и др.). Благодаря настойчивости и энергии А.Супруна на протяжении ряда лет продолжалось необычно плодотворное сотрудничество белорусских и болгарских славистов во главе с замечательным ученым Светомиром Иванчевым, в результате чего к разработке белорусской проблематики были привлечены новые молодые силы (И. Куцаров, Л. Селимски, Л. Лашкова, Я. Бычваров и др.). Уникальной в условиях СССР оказалась серия из шести болгарско-белорусских симпозиумов, проводимых поочередно в Софии и Минске на протяжении 70–90-х гг. После неоднократных посещений Любляны А.Е. Супрун проявляет большой интерес к белорусско-словенским языковым схождениям и стимулирует молодых белорусских коллег заниматься словенистикой.

Не без участия Адама Евгеньевича возрастает интерес к белорусской проблематике в Словении; во всяком случае, приглашение известного слависта-этимолога Франце Безляя в Минск, осуществленное по его предложению, дало толчок к формулированию смелых гипотез о древнейших языковых связях предков белорусов и словенцев. Вообще, тема белорусско-инославянских языковых связей, особенно в лексике, открытая серией публикаций в журнале *Веснік Беларускага ўніверсітэта* в первые годы “минского” периода жизни и творчества ученого, привлекала его до последних дней. И в этом отношении Адам Супрун продолжил замечательную традицию занятий белорусским языком ученых из Украины, восходящую еще к 20-м годам и связанную с именем П. Бузука. Начав с белорусских числительных, он расширяет круг своих белорусистских интересов, в который постепенно вовле-

кается скориновская проблематика, лингвистический анализ текста, прикладные аспекты речи (в частности, Адам Евгеньевич был инициатором и одним из исполнителей уникального проекта *Частотны слоўнік беларускай мовы*, отдельные выпуски которого были посвящены поэзии, прозе, устной речи, фольклору и т.п.).

Но любимой его темой по-прежнему остается лексика. Участие в подготовке многотомного *Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы* познакомило его с необычайным богатством и разнообразием белорусского диалектного лексикона, лексическими схождениями белорусского со славянскими и другими соседними языками, в первую очередь — балтийскими. Им были обнаружены интересные белорусско-балтийские параллели, что нашло свое отражение в целом ряде публикаций, начиная с материалов, опубликованных в сборнике симпозиума *Лексічныя балтызмы ў беларускай мове* (Минск, 1969). Доклад о праславянском компоненте белорусского языка, прочитанный на 1-ом Международном конгрессе белорусистов в 1992 г. в Минске, послужил основой для небольшой книги *Праславянскі язык* (Минск, 1993), в которой предлагается ряд нетривиальных решений по традиционным вопросам общеславянского значения.

Обращаясь к особенностям характера Адама Евгеньевича, следует подчеркнуть, что критическое отношение к общепринятым истинам и догматическим положениям было присуще ему с самого начала его научной деятельности. Оно было обусловлено спецификой его формирования как ученого, стремившегося во всем разобраться самостоятельно, и поддерживалось его обширными познаниями в различных, часто далеких от лингвистики, областях. В связи с этим вспоминается его протест против узкой точки зрения на некоторые факты общественно-лингвистической жизни Беларуси, в частности, трактовки так наз. западнополюсского литературного проекта как “подрывающего языковое единство”.

Избранный нами жанр размышлений-воспоминаний не дает возможности подробно останавливаться на характеристике многогранной фигуры Адама Евгеньевича Супруна как ученого. Частично это уже сделано в юбилейном сборнике *Число. Язык. Текст* (Минск, 1998). Можно только выразить надежду, что люди, знавшие его, дополнят эту характеристику. Думается, образ Адама Евгеньевича Супруна с наибольшей полнотой запечатлен в его многочисленных работах, обращение к которым будет лучшей памятью о нем.